

А МЕЖДУ ТЕМ

ЛАРИСА МИЛЛЕР

Лариса Миллер

А между тем

«ФТМ»

2018

Миллер Л.

А между тем / Л. Миллер — «ФТМ», 2018

ISBN 978-5-4467-3230-2

В книге представлено авторское собрание стихотворений Ларисы Миллер за полувековой «отчетный период». Являясь дополнением и продолжением полного собрания стихов автора за 1963–2002 годы («Где хорошо? Повсюду и нигде», М.: «Время», 2004), книга включает как избранное этого периода, так и, в основном, избранное из стихов XXI века, публиковавшихся ранее в отдельных поэтических сборниках и в периодике, а также новые стихи. Время для Ларисы Миллер – вполне ощутимая «материальная» субстанция; встреча Нового Года и смена сезонов – это всегда рубеж, в том числе творческий, и стихи в рабочих тетрадях, как правило, сгруппированы по сезонам: зима-весна-лето-осень-зима. Стихи в книге представлены этими «годовыми кольцами». Книга снабжена алфавитным указателем стихотворений.

ISBN 978-5-4467-3230-2

© Миллер Л., 2018

© ФТМ, 2018

Содержание

I. Судьбы картинки:	6
1965–1970	6
Я знаю тихий небосклон...	6
Не ждать ни переправы, ни улова...	6
А у меня всего одна...	6
И говорим о том о сём...	7
Жить на свете – что может быть проще?..	7
Завершается всё полосой закатной...	7
1971	8
Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно...	8
Где ты тут в пространстве белом?..	8
И всё равно я буду помнить свет...	8
Когда садилось солнце в пять...	9
Ничего из того, что зовётся бронёй...	9
И все же уговор жестокий...	9
Я вхожу в это озеро, воды колыша...	10
1972–1975	11
Муза. Оборотень. Чудо...	11
Жизнь побалует немного...	11
Что плакать ночи напролёт?..	11
Почему не уходишь, когда отпускают на волю?..	11
Господи, не дай мне жить, взирая вчуже...	12
Всё исчезнет – только дунь...	12
Засилье синевы и трав...	12
Наступают сна неслышной...	13
Было всё, что быть могло...	13
Казалось бы, все мечено...	14
Неужто этим дням, широким и высоким...	14
Какое странное желанье...	14
Гуси-лебеди летят...	15
Казалось мне, я песнь пою...	15
На планете беспредельной...	15
О, разнотравье, разноцветье...	16
1976–1979	18
Погляди-ка, мой болезный...	18
Диаспора. Рассеянье...	18
Шито белыми нитками наше житье...	18
А вместо благодати – намёк на благодать...	19
Иди сюда. Иди сюда...	19
К юной деве Пан влеком...	19
Не мы, а воздух между нами...	20
Все в воздухе висит...	20
Еще немного все сместится...	21
Неясным замыслом томим...	21
Хоть кол на голове теши...	22
Живи, младенческое «вдруг»...	22

Приходит Верочка-Верушка...	22
Среди деревьев белых-белых...	23
Встань, Яшка, встань. Не умирай...	24
Все было до меня, и я не отвечаю...	24
1980–1985	25
Любовь до гроба...	25
Благие вести у меня...	25
Ритенуто, ритенуто...	25
Между облаком и ямой...	25
Тончайшим сделаны пером...	26
Неслыханный случай. Неслыханный случай...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лариса Миллер
А между тем
Стихи: избранное 1965–2017 гг.

І. Судьбы картинки:
1965–1999 гг.

1965–1970

Я знаю тихий небосклон...

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится: ещё секунда –
И твой отходит эшелон!
И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.

Не ждать ни переправы, ни улова...

Не ждать ни переправы, ни улова,
Ни окрика, ни шороха, ни зова.
У леса, у глухого перелеска,
Средь синевы и тишины, и плеска,
На берегу, колени к подбородку,
Сидеть, следя недвижимую лодку
И слушая полуденные речи
Реки, не прерывая, не переча.

А у меня всего одна...

А у меня всего одна
Картина в рамке побелённой:
Июньский день и сад зелёный
В квадрате моего окна...
И дуба тень. И дома тыл.
Забор. А ниже, где художник
Поставить подпись позабыл, –
Омытый ливнем подорожник.

И говорим о том о сём...

И говорим о том о сём,
Покуда в сумерках пасём
Сухой листвы стада овечьи.
И бесконечны наши речи
О будущем, о вещих снах,
Об ускользящих годах,
Неизживаемых обидах.
О том, о чём и вдох, и выдох.

Жить на свете – что может быть проще?..

Жить на свете – что может быть проще? –
И в июньской полуденной роще
Меж стволами бродить и бродить,
И, беседы утративши нить,
Всё брести, не заметив молчанья,
В сонной роще, где вечно качанье
И поскрипыванье ствола
И на землю стекает смола.

Завершается всё полосой закатной...

Завершается всё полосой закатной:
И уклад многолетний, и риск многократный,
И любовь, и раздолье, и праздник, и встреча...
Свод небесный багряною краской расцвечен.
И чем ближе к закату, чем ближе к развязке,
Тем тревожней тона, тем багровее краски.

1971

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно...

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах –
Вот ещё один взмах и ещё один взмах –
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами.
Я слежу за случившимся, веки смежив,
Чем жила я доселе, и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сём принадлежность –
Всё неважно, когда есть безмерная нежность.
Мы не снегом – небесной осыпаны пылью.
Назови это сном. Назови это былью.
Я могу белых крыльев рукою коснуться.
Надо только привстать. Надо только проснуться.
Надо сделать лишь шаг различимый и внятный
В этой снежной ночи на земле необъятной.

Где ты тут в пространстве белом?..

Где ты тут в пространстве белом?
Всех нас временем смывает,
Даже тех, кто занят делом –
Кровлю прочную свивает.
И бесшумно переходит
Всяк в иное измеренье,
Как бесшумно происходит
Тихой влаги испаренье,
Слух не тронув самый чуткий;
Незаметно и невнятно,
Как смещаются за сутки
Эти солнечные пятна.
Где ты в снах своих и бденьи?
В беспредельности пространства
Только видимость владенья,
Обладанья, постоянства.

И всё равно я буду помнить свет...

И всё равно я буду помнить свет.
И в пору тьмы, и на пороге смерти
Я не скажу, что в мире света нет,
А если и скажу, то мне не верьте.
Сплошная тьма у самого лица.

Но стоит сделать два нетвёрдых шага,
И вот уж под лучом струится влага
Какого-то лесного озера.
Мираж и сон? Воображенья плод?
И ночь кругом, и свет совсем не брезжит;
Но значит, где-то день и солнце нежит,
И огненно настурция цветёт.

Когда садилось солнце в пять...

Когда садилось солнце в пять,
В те снежные недели,
Всё то, о чём нельзя мечтать,
Случалось на деле.
И я, приемля все дары,
Растерянно молчала,
Предчувствуя иной поры,
Иных времён начало,
Когда кругом и вдалеке
Всё снова станет глухо,
И попросить о пустяке –
И то не хватит духа,
Когда не сыщешь днём с огнём
Окрест иного чуда
Кроме того, что мы живём
И не всегда нам худо.

Ничего из того, что зовётся бронёй...

Ничего из того, что зовётся бронёй, –
Ни спасительных шор, ни надёжного тыла...
Как и прежде, сегодня проснулась с зарёй,
Оттого что мучительно сердце заньло,
То ль о будущем, то ли о прошлом скорбя...
А удачи и взлёты, что мной пережиты,
Ни на грош не прибавили веры в себя,
Но просеялись будто сквозь частое сито.
Так и жить, как в начале пути, налегке –
Неприкаянность эту с тобою поделим.
Тополиная ветка зажата в руке –
Вот и руки так горько запахли апрелем.

И все же уговор жестокий...

И все же уговор жестокий –
Не оглянуться на истоки,
На тропку, смятую пятою,
На прошлое, на прожитое,
На прежний сад, на прежний дом,

На преданный огню Содом
Не поглядеть в немой печали,
Чтоб ангелы не осерчали,
Когда все те, что в вечность канут,
Вослед глядят и руки тянут,
С тоской по имени зовут...
И можно ли найти приют,
Покой, уйдя к иным просторам
И не простившись даже взором?

Я вхожу в это озеро, воды колыша...

Я вхожу в это озеро, воды колыша,
И колышется в озере старая крыша,
И колышется дым, что над крышей струится,
И колышутся в памяти взоры и лица.
И плывут в моей памяти взоры и лики,
Как плывут в этом озере светлые блики.
Все покойно и мирно. И – вольному воля –
Разбредайтесь по свету. У всех своя доля.
Разбредайтесь по свету. Кочуйте. Живите.
Не нужны никакие обеты и нити.
Пусть уйдете, что канете. Глухо, без срока.
Все, что дорого, – в памяти. Прочно. Глубоко.

1972–1975

Муза. Оборотень. Чудо...

Муза. Оборотень. Чудо.
Я тебя искала всюду.
Я тебя искать бросалась –
Ты руки моей касалась.
Ты всегда была со мною –
Звуками и тишиною,
Талым снегом, почкой клейкой,
Ручейка лесного змейкой.
Без тебя ломала руки,
Ты ж была – мои разлуки,
Смех и слезы, звук привета,
Мрак ночной и столбик света,
Что в предутреннюю пору
Проникает в дом сквозь штору.

Жизнь побалует немного...

Жизнь побалует немного –
Я хочу и дальше так:
Чтоб светла была дорога,
Чтоб незыблем был очаг,
Где желанна и любима,
Где душа легко парит,
Где под окнами рябина
Чудным пламенем горит.

Что плакать ночи напролёт?..

Что плакать ночи напролёт?
Уж всё менялось не однажды
И завтра там родник забьёт,
Где нынче гибнешь ты от жажды.

И где сегодня прах один
И по останкам тризну правят,
Там Ника, вставши из руин,
Легко сандалию поправит.

Почему не уходишь, когда отпускают на волю?..

Почему не уходишь, когда отпускают на волю?
Почему не летишь, коли отперты все ворота?
Почему не идешь по холмам и по чистому полю,

И с горы, что полога, и на гору, ту, что крута?
Почему не летишь? Пахнет ветром и мятой свобода.
Позолочен лучами небесного купола край.
Время воли пришло, время вольности, время исхода.
И любую тропу из лежащих у ног выбирай.
Отчего же ты медлишь, дверною щеколдой играя,
Отчего же ты гладишь постылый настенный узор,
И совсем не глядишь на сиянье небесного края,
На привольные дали, на цепи неведомых гор?

Господи, не дай мне жить, взирая вчуже...

Господи, не дай мне жить, взирая вчуже,
Как чужие листья чуждым ветром кружит;
Господи, оставь мне весны мои, зимы –
– Все, что мною с детства познано и зримо;
– Зори и закаты, звуки те, что слышу;
Не влеки меня ты под чужую крышу;
Не лиши возможности из родимых окон
Наблюдать за облаком на небе далеком.

Всё исчезнет – только дунь...

Всё исчезнет – только дунь –
Полдень, марево, июнь,
Одуванчиково поле,
Полупризрачная доля
Жить вблизи лесов, полей,
Крытых пухом тополей.

Засилье синевы и трав...

Засилье синевы и трав.
И ветер, веткой поиграв,
Стихает сонно.
И все вокруг – чудесный сплав
Того, что сгинет, прахом став,
И что бездонно.
И даже малый лепесток –
Итог явлений и исток.
И жизнью брэнной
Мы вносим свой посильный вклад
В не нами созданный уклад
Земли нетленной.
А вся земля белым-бела,
Роняют пух свой тополя,
И меж стволами,
Покинув брэнные дела,
Летают души и тела,

Шурша крылами.

Наступают сна неслышной...

Наступают сна неслышной
Снегопада времена
Невесомые Всевышний
Густо сеет семена.
И кружится нам на зависть,
Не страшась судьбы своей,
Белый снег, едва касаясь
Крыш, заборов и ветвей;
И зовет забыть усердье,
Пыл, отчаянье и страсть,
Между облаком и твердью
Тихо без вести пропасть.

Было всё, что быть могло...

Было всё, что быть могло,
И во что нельзя поверить.
И какой же мерой мерить
Истину, добро и зло.

Кто бесстрашен – взаперти,
Кто на воле – страхом болен,
Хоть, казалось бы, и волен
Выбирать свои пути.

Свод бездонен голубой,
Но черны земли провалы,
Кратковременны привалы
Меж бездонностью любой.

Чёрных дыр не залатать.
Всяко было. Всё возможно.
Может, завтра в путь острожный
Пыль дорожную глотать.

Мой сынок, родная плоть,
Черенок, пустивший корни
Рядом с этой бездной чёрной,
Да хранит тебя Господь

От загула палачей,
От пинков и душегубки,
От кровавой мясорубки
Жути газовых печей.

Ты прости меня, прости,
Что тебя на свет явила.
И какая может сила
В смутный час тебя спасти.

Эти мысли душу жгут,
Точно одурь, сон мой тяжкий.
А в твоём – цветут ромашки.
Пусть же век они цветут.

Казалось бы, все мечено...

Казалось бы, все мечено,
Опознано, открыто,
Сто раз лучом просвечено,
Сто раз дождем промыто.
И все же капля вешняя,
И луч, и лист случайный,
Как племена нездешние,
Владеют речью тайной.
И друг, всем сердцем преданный,
Давнишний и привычный, –
Планеты неизведанной
Жилец иноязычный.

Неужто этим дням, широким и высоким...

Неужто этим дням, широким и высоким,
Нужны моих стихов беспомощные строки –
Миражные труды невидимых подёнок?
Спасение моё – живая плоть, ребёнок.
Дитя моё – моих сумятиц оправданье.
Осмысленно ночей и дней чередованье;
Прозрачны суть и цель деяния и шага
С тех пор, как жизнь моя – труды тебе на благо.
Благодарю тебя. Дозволил мне, мятежной
Быть матерью твоей, докучливой и нежной.

Какое странное желанье...

Какое странное желанье –
Цветка любого знать названье,
Знать имя птицы, что поет.
Как будто бы такое знанье
Постичь поможет мирозданье
И назначение твое.

Не все ль равно, полынь иль мята
На той тропе ногой примята,

Не все ль равно? В одном лишь суть –
Как сберегаем то, что свято,
Когда с заката до заката
Незримый совершаем путь.

Не все ль равно, гвоздика, льнянка
Растут в пыли у полустанка,
Где твой состав прогромыхал?
В одном лишь суть – с лица ль, с изнанки
Увиден мир, где полустанки,
Гвоздики и полоски шпал.

Не все ль равно?.. И все же, все же
Прозрачен мир и не безбожен,
И путь не безнадежен твой,
Коль над тобою сень сережек,
И травы вдоль твоих дорожек
Зовутся «мятлик луговой».

Гуси-лебеди летят...

Гуси-лебеди летят
И меня с собой уносят.
Коль над пропастью не сбросят,
То на землю возвратят.

Но отныне на века –
Жить на тверди, небу внемля,
И с тоской глядеть на землю,
Подымаясь в облака.

Казалось мне, я песнь пою...

Казалось мне, я песнь пою
Про счастье и про боль свою,
Про маету и душ и тел, –
А это дождик шелестел.
Казалось, песнь моя нова, –
А это пели дерева.
Казалось, в песне всхлип и стон,
А это был лишь лепет крон...
Гремели дальние грома,
И только я была нема.

На планете беспредельной...

На планете беспредельной
Два окошка над котельной.
Это – дом давнишний мой.

В доме том жила ребенком.
Помню ромбы на клеенке.
Помню скатерть с бахромой.

Скинув валики с дивана,
Спать укладывали рано.
И в умолкнувшем дому

Где-то мыслями витала
И в косички заплетала
На скатерке бахрому.

Мне казались раем сущим
Гобеленовые кущи –
Пруд, кувшинки, камыши,

Где, изъеденные молью,
Меж кувшинок на приволье
Плыли лебеди в тиши.

Стало пылью, прахом, тленом
То, что было гобеленом
С лебедями. Но смотри –

По стеклу стучат ладошки.
А войдешь – стоят галошки
С байкой розовой внутри.

О, разнотравье, разноцветье...

О, разнотравье, разноцветье.
Лови их солнечною сетью
Иль дождевой – богат улов.
А я ловлю их в сети слов.
И потому неуловимы
Они и проплывают мимо.
И снова сеть моя пуста.
В ней ни травинки, ни листа.
А я хотела, чтоб и в стужу
Кружило все, что нынче кружит,
Чтобы навеки был со мной
Меня пленивший миг земной;
Чтобы июньский луч небесный,
Запутавшись в сети словесной,
Светил, горяч и негасим,
В глухую пору долгих зим;
Чтоб все, что нынче зримо, зряче,
Что нынче и поет и плачет,

А завтра порастет быльем,
Осталось жить в стихе моем.

1976–1979

Погляди-ка, мой болезный...

Погляди-ка, мой болезный,
Колыбель висит над бездной,
И качают все ветра
Люльку с ночи до утра.
И зачем, живя над краем,
Со своей судьбой играем,
И добротный строим дом,
И рожаем в доме том.
И цветет над легкой зыбкой
Материнская улыбка.
Сполз с поверхности земной
Край пеленки кружевной.

15 сентября 1976 г.

Диаспора. Рассеянье...

Диаспора. Рассеянье.
Чужого ветра веянье.
На чуждой тверди трещина.
Чьим богом нам завещано
Своими делать нуждами
Дела народа чуждого
И жить у человечества
В гостях, забыв отечество?
Мне речки эти сонные
Роднее, чем исконные.
И коль живу обидами,
То не земли Давидовой.
Ростовские. Тулонские.
Мы толпы Вавилонские,
Чужие, многоликие,
Давно разноязыкие.
И нет конца кружению.
И лишь уничтожение
Сводило нас в единую
Полоску дыма длинную.
Но вечно ветра веянье
И всех дымов рассеянье.

Шито белыми нитками наше житье...

Шито белыми нитками наше житье.

Посмотри же на странное это шитье.
Белой ниткой прошиты ночные часы.
Белый иней на контурах вместо росы.
Очевидно и явно стремление жить
Не рывками, а плавно, не дергая нить.
Шито все на живульку. И вечно живу,
Опасаясь, что жизнь разойдется по шву.
Пусть в дальнейшем упадок, разор и распад.
Но сегодня тишайший, густой снегопад.
Белоснежные нитки прошили простор
В драгоценной попытке отстрочить разор,
Все земное зашить, залатать и спасти,
Неземное с земным воедино свести.

А вместо благодати – намёк на благодать...

А вместо благодати – намёк на благодать,
На все, чем вряд ли смертный способен обладать.
О, скольких за собою увлék еще до нас
Тот лик неразличимый, тот еле слышный глас,
Тот тихий, бестелесный мятежных душ ловец.
Куда, незримый пастырь, ведешь своих овец?
В какие горы, доли, в какую даль и высь?
Явись хоть на мгновенье, откликнись, отзовись.
Но голос твой невнятен. Влеки же нас, влеки.
Хоть знаю – и над бездной ты не подашь руки.
Хоть знаю – только этот почти неслышный глас –
Единственная радость, какая есть у нас.

Иди сюда. Иди сюда...

Иди сюда. Иди сюда.
Иди. До Страшного суда
Мы будем вместе. И в аду,
В чаду, в дыму тебя найду.
Наш рай земной невыносим.
На волоске с тобой висим.
Глотаем воздух жарким ртом.
На этом свете и на том
Есть только ты. Есть только ты.
Схожу с ума от пустоты
Тех дней, когда ты далеко.
О, как идти к тебе легко.
Все нипочем – огонь, вода.
Я в двух шагах. Иди сюда.

К юной деве Пан влеком...

К юной деве Пан влеком

Страстью, что страшнее гнева.
Он бежал за ней, но дева
Обернулась тростником.
Сделал дудочку себе.
Точно лай его рыданье.
И за это обладанье
Благодарен будь судьбе.
Можешь ты в ладонях сжать
Тростниковой дудки тело.
Ты вздохнул – она запела.
Это ли не благодать?
Ты вздохнул – она поет,
Как холмами и долиной
Бродишь ты в тоске звериной
Дни и ночи напролет.

Не мы, а воздух между нами...

Не мы, а воздух между нами,
Не ствол – просветы меж стволами,
И не слова – меж ними вдох
Содержат тайну и подвох.
Живут в пробелах и пустотах
Никем не сыгранные ноты.
И за пределами штриха
Жизнь непрерывна и тиха.
Ни линий взбалмошных, ни гула –
Пробелы, пропуски, прогулы.
О мир, грешны твои тела,
Порой черны твои дела.
Хоть между строк, хоть между делом
Будь тихим-тихим, белым-белым.

Все в воздухе висит...

Все в воздухе висит.
Фундамент – небылица.
Крылами машет птица,
И дождик моросит.
Все в воздухе: окно,
И лестница, и крыша,
И говорят, и дышат,
И спят, когда темно,
И вновь встают с зарей.
И на заре, босая,
Кружу и зависаю
Меж небом и землей.

Еще немного все сместится...

Еще немного все сместится –
Правее луч, южнее птица,
И станет явственнее крен,
И книга поползет с колен.
Сместится взгляд, сместятся строчки,
И все сойдёт с привычной точки,
И окажусь я под углом
К тому, что есть мой путь и дом,
К тому, что есть судьба и веха.
Как между голосом и эхом,
Так между мною и судьбой
Возникнет воздух голубой,
Мгновенье тихое, зиянье,
Пугающее расстоянье.
И тех, с кем жизнь текла сия,
Едва коснется тень моя.

Неясным замыслом томим...

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,
Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,
Освобождает – грудь, рука.
Еще последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она еще нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь ее наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай ее на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, Боже,
Рукой отводит прядь со лба.

Хоть кол на голове теши...

Хоть кол на голове теши –
Всё улыбаешься в тиши.
Тебе – жестокие уроки,
А ты – рифмованные строки.
А ты – из глубины души
Про то, как дивно хороши
Прогулки эти меж кустами
Ольхи. Твоими бы устами...

Живи, младенческое «вдруг»...

Живи, младенческое «вдруг»,
Уже почти замкнулся круг,
Уж две минуты до конца,
И вдруг – карета у крыльца.
И вдруг – среди чащи светлый луг.
И вдруг – вдали волшебный звук.
И вдруг – жар-птица, дед с клюкой,
Края с молочной рекой.
Уходит почва из-под ног,
Ни на одной из трех дорог
Спасенья нету, как ни рвись.
Но вдруг, откуда ни возьмись...

Приходит Верочка-Верушка...

Приходит Верочка-Верушка,
Чудная мамина подружка.
Она несет большой букет.
(Сегодня маме тридцать лет.)
Несет большой букет сирени,
А он подобен белой пене,
Такая пышная сирень.
Я с пышным бантом набекрень
Бегу... Гори, гори, не гасни,
Тот миг... И розочку на масле
Пытаюсь сделать для гостей...
Из тех пределов нет вестей,
Из тех времен, где дед мой мудрый
Поет и сахарную пудру
Неспешно сыплет на пирог.
И сор цветочный на порог
Летит. И грудой белой пены
Сирень загородила стены.

Среди деревьев белых-белых...

Среди деревьев белых-белых
Пансионат для престарелых.
Он свежесвыбелен и чист.
И валится печальный лист,
Под стариковские галоши.
И нету неизбывней ноши,
Чем ноша отшумевших лет.
И нынешний неяркий свет
Для старости подслеповатой.
Прогулка для нее чревата
Простудой. И «который час»
Спросил меня в десятый раз
Старик. Не все ль ему едино
Начало дня или середина,
Когда свободен от сетей,
И графиков, и всех затей
Мирских, когда уже на стыке
Времен и вечности, где лики
Всегда незримые для нас,
Должно быть, различает глаз.
И что там крохотная стрелка?
Она бесшумно, как сиделка,
Хлопочет до скончанья дня,
По циферблату семени.
До самого времен скончанья
И ближе с вечностью венчанье.
И память ходит по пятам.
А я еще покуда там,
А я еще покуда с теми
И там, где жестко правит время,
Настырно в темечко клюет
И задержаться не дает.
И миги, яркие, как вспышки,
Слепят и жгут без передышки.
И тесен мне любой насест.
Охота к перемене мест
Еще покуда мной владеет.
И кто-то обо мне радеет,
Из ярких листьев тропку вьет
И яркий свет на землю льет.
Дорога или бездорожье,
Но лист горит, как искра Божья,
Преображая все кругом,
Убогих и казенный дом.

Встань, Яшка, встань. Не умирай...

На смерть Яши К.

Встань, Яшка, встань. Не умирай. Как можно!
Бесчеловечно это и безбожно,
Безжалостно ребенком умирать.
Открой глаза и погляди на мать.
Ты погляди, что с матерью наделал.
Она твое бесчувственное тело
Все гладит и не сводит глаз с лица.
И волосы седые у отца.
Он поправляет на тебе рубашку
И повторяет: «Яшка, сын мой, Яшка».
И повторяет: «Яшка, мой сынок».
Гора цветов. Венок. Еще венок.
...Пришел ко мне смешливым второклашкой.
Нос вытирал дырявой промокашкой.
И мы с тобой учили «I and You»,
«I cry, I sing» – я плачу, я пою.
Как жить теперь на свете. Жить попробуй,
Когда вот-вот опустят крышку гроба,
В котором мальчик, давний ученик.
Его лицо исчезнет через миг.
И нет чудес. Но, Господи, покуда
Еще не выросла сырая груда
Земли, не придавили снег и лед,
Приди, вели: «Пусть встанет. Пусть идет».

Все было до меня, и я не отвечаю...

*Людмиле Михайловне Алексеевой
ко дню рождения 20 июля 2017 года*

Все было до меня, и я не отвечаю.
Законов не пишу. На царство не венчаю.
Придумала не я, придумали другие,
Что хороша петля на непокорной вые.

Придумала не я, и я не виновата,
Что вечно не сыта утроба каземата.
Но чудится: с меня должны спросить сурово
За убиенных всех. За всех лишенных крова.

1980–1985

Любовь до гроба...

Любовь до гроба.
Жизнь до гроба.
Что дальше – сообщат особо.
И если есть там что-нибудь,
Узнаешь. А пока – забудь.
Забудь и помни только это:
Поля с рассвета до рассвета,
Глаза поднимешь – небеса,
Опустишь – травы и роса.

Благие вести у меня...

Благие вести у меня.
Есть у меня благие вести:
Ещё мы целы и на месте
К концу сбесившегося дня;

На тверди, где судьба лиха
И не щадит ни уз, ни крива,
Ещё искать способны слово,
Всего лишь слово для стиха.

22 января 1980 г.

Ритенуто, ритенуто...

Ритенуто, ритенуто,
Дли блаженные минуты,
Не сбивайся, не спеши.
Слушай шорохи в тиши.
Дольче, дольче, нежно, нежно...
Ты увидишь, жизнь безбрежна
И такая сладость в ней...
Но плавней, плавней, плавней.

Между облаком и ямой...

Между облаком и ямой,
Меж березой и осиной,
Между жизнью лучшей самой
И совсем невыносимой,
Под высоким небосводом
Непрестанные качели

Между босховским уродом
И весною Боттичелли.

Тончайшим сделаны пером...

Тончайшим сделаны пером
Судьбы картинки,
И виснут в воздухе сыром
На паутинке.
Летящим почерком своим
Дожди рисуют,
И ветер легкие, как дым,
Штрихи тасует.
...Рисуют, будто на бегу,
Почти небрежно.
Я тот рисунок сберегу,
Где смотришь нежно.
Живу, покорна и тиха.
И под сурдинку
Колелет ветер два штриха
И паутинку.

Неслыханный случай. Неслыханный случай...

Неслыханный случай. Неслыханный случай:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.